

Докладные записки атташе по делам военнопленных при посольстве РСФСР в Берлине С. М. Семкова как исторический источник

Е. И. Лазаренко

аспирант кафедры отечественной истории, Брянский государственный университет
имени академика И. Г. Петровского. Россия, г. Брянск. E-mail: lena.lazarenko.79@mail.ru

Аннотация. В статье идет речь о том, что докладные записки являются не только делопроизводственными документами, но и необходимым историческим источником, который может помочь всесторонне изучить поставленную историком проблему. Актуальность исследования заключается в том, что на примере докладных записок атташе по делам военнопленных при посольстве РСФСР в Берлине С. М. Семкова, автор раскрывает реальное положение русских военнопленных Первой мировой войны в немецких лагерях Гюстров, Стендель и Дебериц после подписания Брестского мирного договора и очень напряженные отношения между Советской Россией и Германией. Статья основана на ранее неизученных документах Государственного архива Российской Федерации, которые представлены впервые. В ходе исследования был сделан вывод о том, что сохранившиеся докладные записки могут стать очень ценным источником для получения необходимой информации вплоть до мелочей. Ознакомившись с этими документами, становится ясно, что к русским военнопленным в Германии относились гораздо хуже, чем к пленным французам и англичанам. Их не только плохо кормили, одевали, но и почти не платили за тяжелый труд, в связи с чем не спешили отправлять на Родину даже после подписания Брестского мирного договора, поставив русскую делегацию летом 1918 г. в тупик. Русские военнопленные были деморализованы, потеряв всякую надежду на помощь и освобождение. Избиения, дисциплинарные взыскания, изъятие личных вещей и денег было обычным явлением в немецких лагерях.

Ключевые слова: военнопленные, Первая мировая война, атташе Семков С. М., немецкие лагеря.

Как известно, делопроизводственные документы считаются самым многочисленным видом исторических источников. Это целый комплекс документации, который образуется в результате деятельности того или иного компетентного органа управления, имеет различные формы и содержания. Среди них есть докладные записки, которые относятся к группе деловой переписки и отчетности. В статье в качестве примера будут рассмотрены подробно докладные записки атташе по делам военнопленных при посольстве РСФСР в Берлине С. М. Семкова. Исследование основано на ранее неизученных документах Государственного архива Российской Федерации.

Цель данной статьи заключается в том, чтобы выявить, насколько надежен этот вид исторических источников, ведь порой он имеет субъективный характер и зависит от политических взглядов, убеждений, настроения, меры объективности того, кто пишет отчетный документ. Автор статьи с помощью архивных документов пытается раскрыть особенности докладных записок как важного исторического источника, при внимательном изучении которых можно узнать то, чего не напишут в журналах и газетах, то, чего не встретишь в других официальных государственных отчетах.

Проблема русского плена в Первую мировую войну остается до сих пор очень актуальной. К сожалению, в досоветский и советский периоды тема русских военнопленных не изучалась подробно. Зато за последние два десятилетия в отечественной историографии сформировался целый комплекс исследований, связанных с данной тематикой: от правового статуса военнопленного до оказания им помощи на месте пребывания в родной регион.

Немало исследований посвящено причинам большого количества военнопленных и массовых сдач в плен. Так, например, в своей книге Оськин М. В. отметил, что не по своей вине, в результате полного окружения в августе 1914 г. при разгроме армии Самсонова под Танненбергом в Восточной Пруссии только генералов попало в плен сразу 15 человек [17, с. 14]. В битве при Мазурских озерах, где произошло сражение в Августовском лесу в феврале 1915 г. и была разбита русская 10-я армия, немцы взяли в плен до 30 000 человек [6, с. 116]. Всем известный Брусиловский прорыв обычно рассматривается как свидетельство того, ка-

ких успехов русская армия смогла добиться, имея хорошее командование и руководство на местах. Тем не менее в ходе этих событий наблюдались большие потери русской армии – почти миллион человек, половина из них – военнопленные [16; 17]. Еще один пример, когда в августе 1915 г. по халатности генералов не были эвакуированы русские части Новогеоргиевской крепости, в немецкий плен угодили 83 000 человек, в том числе 2100 офицеров и 23 генерала. Результатом столь плачевных последствий стали нехватка артиллерии, отсутствие грамотного командования и офицеров, а также проблемы с транспортом [2, с. 75]. Николай II посчитал это за предательство и ничего не сделал, чтобы освободить хотя бы генералов, которые обращались (а также их семьи) с просьбой освободить их путем обмена военнопленных. Однако из-за неприязненного отношения русского командования к своим пленным линия индивидуального обмена была полностью закрыта [17, с. 17].

Различалось положение военнопленных из разных воевавших стран. Так, например, пленные-союзники из Англии, Франции, Бельгии с 1915 г. получали посылки не только от своих родственников, но и от правительства, в то время как русским военнопленным солдатам государственная поддержка не оказывалась, а помощь общественных организаций была мизерной. Ради еды пленные из России порой прислуживали союзным солдатам в лагерях [13, с. 57–58]. Царское руководство отказало в продовольственной помощи пленным нижним чинам, считая это мерой прекращения сдачи в плен. Более того, Николай II в апреле 1915 г. распорядился о прекращении посылки российским военнопленным хлеба, который якобы могли использовать для питания германских войск [5, с. 67]. В отличие от России, другие государства имели программы социально-правовой помощи своим военнопленным.

Несмотря на подчеркнуто отрицательное отношение к военнопленным со стороны российских властей, были созданы организации, которые оказывали им помощь: Комитет Государыни Императрицы Александры Федоровны по оказанию помощи русским военнопленным, находящимся во вражеских странах; Комиссия общения военнопленных при Петроградском Комитете Союза городов [18, с. 156].

После Февральской революции новые российские власти заявили о необходимости перемены в лучшую сторону политики по отношению к русским военнопленным: началась широкая пропаганда в прессе, направленная на освещение их тяжелого положения в лагерях Европы, был создан Центральный Комитет по делам военнопленных при Главном управлении РОКК, при котором работали представители Военного министерства и МИД, МВД и министерств: финансов, торговли, промышленности, земледелия, путей сообщения и юстиции. Впервые за весь период войны проблема российских военнопленных за рубежом была поставлена на государственный уровень. Однако за короткий период существования либеральной России в положении военнопленных мало что изменилось. Только родственники военнопленных стали чаще обращаться к чиновникам с просьбами разрешить индивидуальный обмен пленными, главным образом высших офицеров [16, с. 104].

После Октябрьской революции положение русских военнопленных несколько не улучшилось, даже посылки от родных перестали отправляться в связи с разрухой и начавшейся Гражданской войной. Военнопленные считали себя брошенными и ненужными для России [12, с. 138].

Необходимо отметить, что все-таки деятельность советского руководства по отношению к русским и к иностранным военнопленным отличалась от царской, зависела от новых политических представлений. Так, в 1918 г. Совнарком постановил денежное пособие (паек) семьям военнопленных старой армии уравнивать с пособием для семей красноармейцев [9, с. 362]. Если при прежнем режиме были отменены пайки семьям, воины которых попали в плен, то советская власть с пониманием отнеслась к этой проблеме, проводя диаметрально противоположную политику в отношении бывших русских военнопленных. Декретом Совнаркома «О пайке семьям солдат, находящихся в плену, пропавших без вести, убитых и потерявших на войне трудоспособность» семьи солдат, попавших в плен, получали право на паек [10, с. 769–770]. Советская власть также подписала мирные договоры со странами Антанты и Четверного союза по освобождению и отправке на Родину русских военнопленных, создала особый орган Центропленбежа¹ с широкими полномочиями, действовавший на протяжении своего существования с 1918 по 1920 гг. [3, с. 24–28]. По мнению И. В. Суржиковой, благодаря организованной централизованной структуре со строгой иерархией, Центропленбеж слажен-

¹ Центральная коллегия о пленных и беженцах.

но работал с местными подвластными отделениями в регионах [19, с. 178]. Например, Центропленбеж имел статистически-справочный отдел, который выдавал жизненно необходимые документы для выживания военнопленного – «проходное свидетельство» и «удостоверение военнопленного», на основании которых выдавали продукты питания, кормовые, паек и одежду [14, с. 52].

В отечественной историографии подписанию Брестского мира исследователи дают неоднозначную противоречивую оценку, в том числе Е. Д. Барщукова, перечисляя тяжелые условия обременительного позорного мира, после подписания которого от большевиков отвернулись представители различных политических сил, в том числе и кадеты [4, с. 16–22].

После подписания Брестского мирного договора между Советской Россией и Германией сложились очень сложные напряженные отношения, повлекшие за собой прекращение реэвакуации русских военнопленных домой. Даже наркому Г. В. Чичерину пришлось задавать вопрос немецким властям о том, «считают ли они сохраняющими свою силу условия Брест-Литовского мирного договора?» [15, с. 182]. Эта проблема также описана в статье М. И. Ходыкина и А. Х. Тухватуллина. Так называемый мятеж левых эсеров и убийство германского посла графа Мирбаха в Москве в начале июля 1918 г. завел советскую дипломатию в тупик [20, с. 51–61].

Необходимо отметить заботу и спасение от голодной смерти русских военнопленных со стороны Датского Красного Креста, оказывавшего не только гуманитарную помощь, но и политическое влияние, особенно после прихода большевиков к власти [11, с. 516]. В докладных записках атташе Семкова С. М., о которых идет речь в работе, описано, как он обращался за помощью и поддержкой в Швейцарию как к мировому арбитру по соблюдению прав военнопленных. Посильную поддержку оказывали также многочисленные российские общественные организации, главным направлением которых была отправка посылок российским военнопленным, комплектовавшимся в Москве, Великобритании, Франции, Голландии [1, с. 127]. В диссертации А. Н. Грицаевой перечислены этапы деятельности общественных организаций и благотворительности в период Первой мировой войны: первый этап (1914 – февраль 1917 гг.) – дореволюционный, второй этап (весна – осень 1917 гг.) – благотворительность при Временном правительстве, третий – советский (осень 1917 – март 1918 гг.) [8, с. 1–17].

Для возвращения русских военнопленных на Родину и решения гуманитарных проблем с ними в немецких лагерях в Германии было специально создано Бюро военнопленных при Генеральном консульстве Российской Социалистической Федеративной Республики. 27 мая 1918 г. атташе по делам военнопленных при посольстве РСФСР в Берлине С. М. Семков в сопровождении двух майоров Миллера и Брондо отправились в лагерь военнопленных города Гюстрова. Благодаря **докладной записке о посещении лагеря Гюстров** можно узнать о проблемах русских военнопленных и отношении к ним немцев. Прочитав отчет русского дипломата, можно убедиться, что положение русских военнопленных было гораздо тяжелее, чем немецких и французских. Особенно это стало заметно после подписания Бернской конвенции между Германией и Францией, на глазах у русских военнопленных французы отправлялись домой, собираясь в центральном сборном пункте для отправки на Родину.

Атташе в докладной записке отметил скверное настроение русских военнопленных, упреки в адрес советского руководства об отсутствии всякой помощи. Со стороны пленных было очень много жалоб в адрес немецкого руководства лагерем, а именно: восстановление почтовых отношений, которые «совершенно прекратились в течение уже 3-х месяцев, и для пленных получается впечатление, что наша власть совершенно позабыла о них» [7, л. 21].

Немецкая сторона халатно относилась к нашим военнопленным, плохо кормила. Как отмечает Семков, «присылка съестных припасов, которые являются единственным питанием жизни наших пленных» [7, л. 21]. «Наши пленные за все время пребывания их в плену являются самой обиженной частью в сравнении с англичанами и французами, кое-что получалось в течение времени, но за последние месяцы ничего не получалось. Нужда в сухарях, махорке, мыле, нитках, чае, сахаре неопишима, и чем скорее мы что-нибудь сделаем в этой области, то, во-первых, мы спасем от смерти 10 000 жизней человеческих, а во-вторых, получится расположение симпатии и дружелюбия военнопленных к нам» [7, л. 21].

Русские военнопленные по прибытии атташе в лагерь Гюстров просили и требовали отменить дисциплинарные наказания и различного рода избиения, производимые на работах. «Отправляемые на работу пленные в сопровождении часового производят работу в течение многих часов, каторжную работу, при условиях самого скверного питания и мордобития» [7, л. 22]. Русские военнопленные просились на Родину, в связи с чем в данный период време-

ни происходило массовое бегство военнопленных, помочь которым русское руководство, как оказалось, было бессильным. Семков делает выводы, что во избежание разного рода эксцессов со стороны пленных «необходимо срочно принять чрезвычайные меры для облегчения участи русских военнопленных и отправки на Родину» [7, л. 22].

Далее Семков С. М. в своем отчете пишет: «Наша сторона, выслушав жалобы и заявления русских военнопленных, приступила к обходу барачков, которые ничем не отличались от барачков лагеря Стендель. Все они были построены по однообразному типу, та же карточная система, те же порядки. Лазареты более или менее гигиеничны и сносно поставлены. На количество 700 больных имеются пять врачей. После общения русского атташе с главным врачом немецкого лагеря удалось выяснить, что большинство больных, около 40 % – туберкулезных, большой процент экземы и 50 % различного рода увечий, полученных на работе. Почти 75–80 % больных в лазарете жалуются, что они заболели на работе. Причем, никакого обеспечения от увечий, никаких норм страхования не было, так как фабрика для пленного – тот же фронт» [7, л. 23].

В лагере Гюстров располагалась камера заключенных, где находились русские военнопленные, около 15 человек, большинство из которых сидели за проступки следующего характера: побег, азартная игра в карты, прелюбодеяние и один за убийство своего товарища на работе. «Сидят они без указания срока наказания и времени приговора» [7, л. 23].

Русский атташе написал в отчете также, что для военнопленных имелись различного рода развлечения, такие как: синемаграф, любительский театр, оркестр, сносно оборудованная библиотека с научными книгами, включая «Капитал» Маркса.

Что касается обмундирования – более или менее сносное, но, по словам русских военнопленных, деревянные ботинки причиняли боль и ранения. Со стороны пленных русскому руководству поступали жалобы, что имеющуюся у некоторых кожаную обувь отняли с обещанием вернуть перед возвращением домой на Родину.

В лагере Гюстров русских военнопленных кормили отвратительно, пища была полускверная, хотя, как отмечал Семков, «некоторым больным выдается стакан молока, кусок белого хлеба и даже рюмочка вина, но, по замечанию сопровождающего атташе добросовестного врача, это применяется к тем больным, которые находятся накануне смерти» [7, л. 23].

В Бюро военнопленных при Российском Генеральном консульстве РСФСР в Берлине 1 июня 1918 г. атташе Семковым С. М. была направлена **докладная записка о посещении им лагеря Дебериц**. «1 июня сего года я посетил лагерь Дебериц, находящийся недалеко от Берлина. Из 13 000 приписанных к этому лагерю русских военнопленных находится там всего 900 чел., остальные рассортированы по рабочим командам. В день посещения лагеря там находилось всего около 300 человек, остальная часть была занята работой в самом лагере и той деревне, где он находился. Этот лагерь построен по тому же типу, как и многие другие. Отличается он сравнительной чистотой и опрятностью. Сразу бросается в глаза наличие большой группы унтер-офицеров, которые занимают ответственные посты во всех учреждениях, ведающих делами русских военнопленных, как-то: комитет, почта, раздача посылок и так далее. По моей просьбе все пленные собрались около одного барака. Приветствовав их от имени рабочего и крестьянского Правительства, я ознакомил их с теми мероприятиями, которые предпринимаются Советской Республикой в делах их скорейшего отправления на Родину...» [7, л. 1].

Согласно отчету атташе, между советской и немецкой стороной произошел конфликт по поводу обмена военнопленными, а именно по вопросу пропорции обмена. В ходе беседы русского дипломата и военнопленными в немецком лагере среди наших послышались голоса: «Ежели менять человека на человека, то ничего не надо, не уступайте, ребята» [7, л. 1].

Семков С. М. вспоминает, что русские военнопленные очень скептически относились к Брестскому миру, считая, что отсутствует какая-либо надежда на освобождение из плена. Командант этого лагеря распорядился, чтобы в рабочих командах, где находились русские военнопленные, объявили следующее: «Ввиду ненормального положения в России и отсутствия «дорожной» возможности пленные не так скоро будут возвращены на Родину, а посему нужно сохранить спокойствие, и те, которые будут убежать, не только будут наказаны, но и оставлены напоследок» [7, л. 2]. Это заявление было напечатано по-русски, и прочитавшие были принуждены его подписать. Из-за этого произошел скандал, так как некоторые пленные начали протестовать против такого насилия. Этот случай имел место в шахте Эльзаса, где находилась третья рабочая команда. Протест дошел до военного министерства.

Далее русский дипломат в докладной записке пишет следующее: «С моей стороны этот факт не будет оставлен без последствий, я опротестую его в Министерстве иностранных дел. Два дня тому назад часовой избил военнопленного, и после ряда протестов он был устранен комендантом лагеря. Выслушал также ряд жалоб – они очень ценны для характеристики положения военнопленных:

1. Павел Заводский, лич. № 21 482, туберкулез, но почему-то не зачислен в инвалиды.
2. Павел Демьянов, лич. № 11 374, работает в шахте, жалуется на отсутствие продовольствия.
3. 178 русских военнопленных этого лагеря работают у «А. Е. Г.», производя снаряды, по девять часов в сутки, получая 12 марок в неделю, а заработок немецкого рабочего исчисляется в 400 марок в неделю. Достаточно указать на плохую пищу, которая выдается только один раз в день, и 250 грамм хлеба» [7, л. 2].

В лагере Дебериц при посещении русского атташе имелась группа солдат, взятых в плен 12 марта, то есть после заключения Брестского мира, однако их зачислили в качестве военнопленных. Имелось много пленных, которые в момент взятия в плен являлись демобилизованными солдатами.

По заявлению многих пленных, у них отнималась одежда и деньги без выдачи оправдательных документов. Так, у Александра Рудковского, лич. № 18 088, отобрали в лагере 2000 руб. В арестованном помещении находились ряд лиц, совершивших побег 21 февраля, арестованы они были 18-го числа, то есть проступок, совершенный до мирного договора, несмотря на это, они до сих пор не амнистированы.

Общее впечатление русского дипломата после посещения немецкого лагеря: имеется большая нужда в перевязочных средствах, продовольствии, а главным образом неимоверная тяга к отправке на Родину, а также неслыханный вопль, исходящий от тяжелой жизни рабочих команд. «Наше посещение имеет большое политически-моральное значение; становится тягостно и больно, когда сознаешь, что там, за этой оградой сотни тысяч русских людей погибают в неизвестности. Что касается политического настроения, то оно находится в зависимости от того, насколько советское руководство сможет воздействовать на политические круги Германии, чтобы положение военнопленных было немедленно улучшено» [7, л. 3].

Таким образом, сохранившиеся докладные записки могут стать очень ценным и важным историческим источником, дополнить информацию, выявить подлинную картину происходящего прошлых лет, помочь разобраться с изучением выбранной темы, а также ярко и конкретно отразить изучаемые события. Ознакомившись с докладными записками по делам военнопленных при посольстве РСФСР в Берлине С. М. Семкова, становится ясно, что положение русских военнопленных в немецких лагерях было плачевным и описано в отчетах дипломата без прикрас: голод, проблемы с почтовыми доставками и посылками, удовлетворительные условия жизни в самодельных бараках, почти дармовой труд, незаконное изъятие заработанных денег, нехватка пищи, одежды, обуви и медикаментов.

Список литературы

1. *Абдрашитов Э. Е.* Деятельность общественных и международных организаций в деле оказания помощи российским военнопленным в Германии и Австро-Венгрии // Казанский юридический институт МВД России. Научные ведомости. 2013. № 8 (151). Вып. 26. С. 125–131.
2. *Бахурин Ю. А.* Причины падения крепости Новогеоргиевск в августе 1915 года // Военно-исторический журнал. 2009. № 8. С. 75.
3. *Белова И. Б.* Возвращение на родину русских военнопленных и меры советского государства по их материальной поддержке // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 1. С. 24–28.
4. *Борщук Е. Д.* Брестский мир и формирование нового мировоззрения в российском обществе в 1918 году // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2009. № 115. С. 16–22.
5. *Васильева С. Н.* Военнопленные Германии, Австро-Венгрии и России в годы Первой мировой войны. М., 1999. С. 67.
6. *Виллмотт Г. П.* Первая мировая война. М. : ООО «Ломоносов», 2010. 335 с.
7. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-546. Оп. 1. Д. 47.
8. *Грицаева А. Н.* Благотворительность в России в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917 г.): опыт помощи пострадавшим от военных действий / Московский педагогический государственный университет. М., 2008. С. 1–17.

9. Декрет Совета Народных Комиссаров. О денежном довольствии военнопленных и их семейств // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1920 г. Управление делами Совнаркома СССР. М., 1943. С. 362.

10. Декрет Совета Народных Комиссаров. О пайке семьям солдат, находящихся в плену, пропавших без вести, убитых и потерявших на войне трудоспособность // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. Управление делами Совнаркома СССР. М., 1942. С. 769–770.

11. *Енсен Бент* Гуманитарная помощь и политика: миссия Датского Красного Креста в Советской России. 1918–1919 // Первая мировая война. Пролог XX века. М.: Наука, 1999. С. 516–517.

12. *Жданова И. А.* «Эти военнопленные страшно озлоблены...» Организация возвращения российских пленных в 1918 – начале 1919 г. в Петрограде // Клио. 2010. № 1 (48). С. 138.

13. *Кириш Ю.* Под сапогом Вильгельма. М.; Л., 1925. С. 57, 58.

14. *Лазаренко Е. И.* Удостоверение бывшего русского военнопленного как отражение направлений государственной социальной поддержки военнослужащих в годы Первой мировой войны // История. Общество. Политика. 2019. № 3 (11). С. 46–52.

15. *Мигун Д. А.* Германо-советские отношения летом 1918 г. // Государства Центральной и Восточной Европы в исторической перспективе: сб. науч. ст. по материалам Междунар. науч. конф., 24–25 ноября 2017 г. Пинск, 2017. С. 180–184.

16. *Нагорная О. С.* Русские генералы в Германском плену в годы Первой мировой войны // Новая и новейшая история. 2008. № 6. С. 104.

17. *Оськин М. В.* Неизвестные трагедии Первой мировой войны. Пленные. Дезертиры. Беженцы. М.: Вече, 2011. С. 14.

18. *Оськин М. В.* Продовольственная помощь русским военнопленным в период Первой мировой войны (1914–1917) / Ежегодная богословская конференция православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. 2014. № 24. С. 156.

19. *Суржикова И. В.* Российский плен 1914–1922 годов в Новейшей отечественной историографии: контексты, конструкты, стереотипы // Вестник Пермского университета. 2013. № 2 (22). С. 167–178.

20. *Ходыкин М. И., Тухватуллин А. Х.* Дипломатические отношения Советской России и Германской империи после заключения Брест-Литовского мирного договора // Лучшая студенческая статья 2016: сб. статей Международного научно-практического конкурса. 2016. С. 51–61.

Memos of the Attache for Prisoners of War at the RSFSR Embassy in Berlin S. M. Semkovakak historical source

E. I. Lazarenko

postgraduate student of the Department of National History, Bryansk State University
n. a. Academician I. G. Petrovsky. Russia, Bryansk. E-mail: lena.lazarenko.79@mail.ru

Abstract. The article talks about the fact that memos are not only office documents, but also a necessary historical source that can help to comprehensively study the problem posed by the historian. The relevance of the study lies in the fact that on the example of the memos of the attache for prisoners of war at the Embassy of the RSFSR in Berlin, S. M. The author reveals the real situation of Russian prisoners of war of the First World War in the German camps of Gustrov, Stendel and Deberitz after the signing of the Brest Peace Treaty and the very tense relations between Soviet Russia and Germany. The article is based on previously unexplored documents of the State Archive of the Russian Federation, which are presented for the first time. In the course of the study, it was concluded that the surviving memos can become a very valuable source for obtaining the necessary information down to the smallest detail. After reviewing these documents, it becomes clear that the Russian prisoners of war in Germany were treated much worse than the French and British prisoners. They were not only poorly fed, clothed, but also almost not paid for hard work, and therefore they were in no hurry to send them home even after the signing of the Brest Peace Treaty, putting the Russian delegation in a dead end in the summer of 1918. The Russian prisoners of war were demoralized, having lost all hope of help and liberation. Beatings, disciplinary penalties, and the seizure of personal belongings and money were commonplace in German camps.

Keywords: prisoners of war, World War I, attache Semkov S. M., German camps.

References

1. *Abdrashitov E. E.* *Deyatel'nost' obshchestvennyh i mezhdunarodnyh organizacij v dele okazaniya pomoshchi rossijskim voennoplennym v Germanii i Avstro-Vengrii* [Activity of public and international organizations in the provision of assistance to Russian prisoners of war in Germany and Austria-Hungary] // *Kazanskij yuridicheskij institut MVD Rossii. Nauchnye vedomosti* – Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Scientific herald. 2013. No. 8 (151). Is. 26. Pp. 125–131.

2. Bahurin Yu. A. Prichiny padeniya kreposti Novogeorgievsk v avguste 1915 goda [Reasons for the fall of the Novogeorgievsk fortress in August 1915] // *Voенно-istoricheskij zhurnal* – Military History magazine. 2009. No. 8. P. 75.

3. Belova I. B. Vozvrashchenie na roдинu russkikh voennoplennykh i mery sovetskogo gosudarstva po ih material'noj podderzhke [The return of Russian prisoners of war to their homeland and the measures of the Soviet state for their material support] // *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* – Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art criticism. Questions of theory and practice. 2013. No. 1. Pp. 24–28.

4. Borshchukova E. D. Brestskij mir i formirovanie novogo mirovozzreniya v rossijskom obshchestve v 1918 godu [The Brest world and the formation of a new worldview in Russian society in 1918] // *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Herzen* – News of Russian State Pedagogical University n. a. A. I. Herzen. 2009. No. 115. Pp.16–22.

5. Vasil'eva S. N. Voennoplennye Germanii, Avstro-Vengrii i Rossii v gody Pervoj mirovoj vojny [Prisoners of war of Germany, Austria-Hungary and Russia during the First World War]. M. 1999. P. 67.

6. Willmott G. P. Pervaya mirovaya vojna [The First World War]. M. Lomonosov LLC. 2010. 335 p.

7. The State Archive of the Russian Federation (SARF). F. R-546. Inv. 1. File 47.

8. Gricaeva A. N. Blagotvoritel'nost' v Rossii v gody Pervoj mirovoj vojny (1914–fevral' 1917 g.): opyt pomoshchi postradavshim ot voennykh dejstvij [Charity in Russia during the First World War (1914–February 1917): experience of helping victims of hostilities] / Moscow Pedagogical State University. M. 2008. Pp. 1–17.

9. Decree of the Council of People's Commissars. On the monetary allowance of prisoners of war and their families // *Sobranie zakonov i rasporyazhenij pravitel'stva za 1920 g. Upravlenie delami Sovnarkoma SSSR* – Collection of legalizations and government orders for 1920. Administration of Affairs of the USSR Council of People's Commissars. M. 1943. 362 p. (in Russ.)

10. Decree of the Council of People's Commissars. About rations to the families of soldiers who are in captivity, missing, killed and lost their ability to work in the war // *Sobranie zakonov i rasporyazhenij pravitel'stva za 1917–1918 gg. Upravlenie delami Sovnarkoma SSSR* – Collection of laws and orders of the Government for 1917–1918. Administration of Affairs of the USSR Council of People's Commissars. M. 1942. Pp. 769–770. (in Russ.)

11. Ensen Bent Gumanitarnaya pomoshch' i politika: missiya Datskogo Krasnogo Kresta v Sovetskoj Rossii. 1918–1919 – Jensen Bent Humanitarian aid and Politics: the mission of the Danish Red Cross in Soviet Russia. 1918–1919 // *Pervaya mirovaya vojna. PrologXXveka* – The first World war. Prologhveka. M. Nauka (Science). 1999. Pp. 516–517.

12. Zhdanova I. A. "Eti voennoplennye strashno ozlobleny..." Organizaciya vozvrashcheniya rossijskikh plennykh v 1918–nachale 1919 g. v Petrograde ["These prisoners of war are terribly embittered ..."] Organization of the return of Russian prisoners in 1918–early 1919 in Petrograd // *Klio* – Klio. 2010. No. 1 (48). P. 138.

13. Kirsh Yu. Pod sapogom Vil'gel'ma [Under the boot of Wilhelm]. M.; L. 1925. Pp. 57–58.

14. Lazarenko E. I. Udostoverenie byvshego russkogo voennoplennogo kak otrazhenie napravlennykh gosudarstvennoj social'noj podderzhki voennosluzhashchih v gody Pervoj mirovoj vojny [Certificate of a former Russian prisoner of war as a reflection of the directions of state social support for military personnel during the First World War] // *Istoriya. Obshchestvo. Politika* – History. Society. Politics. 2019. No. 3 (11). Pp. 46–52.

15. Migun D. A. Germano-sovetskie otnosheniya letom 1918 g. [German-Soviet relations in the summer of 1918] // *Gosudarstva Central'noj i Vostochnoj Evropy v istoricheskoy perspektive: sb. nauch. st. po materialam Mezhdunar. nauch. konf., 24–25 noyabrya 2017 g.* – States of Central and Eastern Europe in historical perspective: collection of scientific articles based on the materials of the International Scientific Conference, November 24–25, 2017. Pinsk. 2017. Pp. 180–184.

16. Nagornaya O. S. Russkie generaly v Germanskom plenu v gody Pervoj mirovoj vojny [Russian generals in German captivity during the First World War] // *Novaya i novejschaya istoriya* – New and modern history. 2008. No. 6. P. 104.

17. Os'kin M. V. Neizvestnye tragedii Pervoj mirovoj vojny. Plennye. Dezertiry. Bezhency [Unknown tragedies of the First World War. Prisoners. Deserters. Refugees]. M. Veche. 2011. P. 14.

18. Os'kin M. V. Prodovol'stvennaya pomoshch' russkim voennoplennym v period Pervoj mirovoj vojny (1914–1917) [Food aid to Russian prisoners of war during the First World War (1914–1917)] // *Ezhegodnaya bogoslovskaya konferenciya pravoslavnogo Svyato-Tihonovskogo gumanitarnogo universiteta* – Annual Theological Conference of the Orthodox St. Tikhon's University for the Humanities. 2014. No. 24. P. 156.

19. Surzhikova I. V. Rossijskij plen 1914–1922 godov v Novejshej otechestvennoj istoriografii: konteksty, konstrukty, stereotipy [The Russian captivity of 1914–1922 in the Newest Russian historiography: contexts, constructs, stereotypes] // *Vestnik Permskogo universiteta* – Herald of the Perm University. 2013. No. 2 (22). Pp. 167–178.

20. Hodykin M. I., Tuhvatullin A. H. Diplomaticheskie otnosheniya Sovetskoj Rossii i Germanskoj imperii posle zaklyucheniya Brest-Litovskogo mirnogo dogovora [Diplomatic relations of Soviet Russia and the German Empire after the conclusion of the Brest-Litovsk Peace Treaty] // *Luchshaya studencheskaya stat'ya 2016: sb. statej Mezhdunarodnogo nauchno-prakticheskogo konkursa* – The best student article 2016: collection of articles of the International scientific and Practical Competition. 2016. Pp. 51–61.